

Отчет по журналу „Вопросы философии и
психологии“ № 38 М. 1897
с. 485-503.

Чичерин, Б.Н.
X

296658

II.

Еще объ идеализмъ.

Въ 37 книгѣ журнала: *Вопросы философіи и психологіи*, въ которой напечатана моя критика статей князя С. Н. Трубецкого объ идеализмѣ, появился и его отвѣтъ. Авторъ говоритъ, что я приписываю ему многое, чего онъ не хотѣлъ сказать; ему кажется, что часто мои снаряды попадаютъ въ чужія укрѣпленія, которыхъ онъ нисколько не думалъ защищать. Могу только радоваться тому, что мы сходимся болѣе, нежели я предполагалъ; но долженъ протестовать противъ обвиненія, будто я приступилъ къ обсужденію его статей съ предвзятыми мыслями и не хотѣлъ понять того, что онъ говоритъ. Кажется, я свое внимательное отношеніе къ его взглядамъ доказалъ тѣмъ, что я шагъ за шагомъ слѣдилъ за его изложеніемъ и представилъ, наконецъ, тѣ заключенія, которыя онъ самъ выводитъ. Не понимаю, какъ иначе можетъ поступить самый добросовѣстный критикъ и какъ его можно послѣ этого упрекать въ нежеланіи быть достаточно объективнымъ. Если я многое понялъ не такъ и приписалъ автору то, чего онъ не хотѣлъ сказать, то это могло происходить отъ недостаточной ясности изложенія, какъ признаетъ и самъ кн. Трубецкой. Безъ сомнѣнія, и съ моей стороны могли быть промахи и ошибки; но, во всякомъ случаѣ, тутъ не было недостатка въ доброй волѣ. Напротивъ, стоя на одной почвѣ съ кн. Трубецкимъ, не отвергая метафизики, а признавая научное ея значеніе, я думалъ, что можно столкнуться, по крайней мѣрѣ, на счетъ самыхъ основаній этой науки, безъ утвержденія которыхъ вся философія остается зданіемъ, висящимъ на воздухѣ. Можно строить самыя великолѣпныя си-

стемы; если нѣтъ прочнаго фундамента,—все это не болѣе какъ волшебные замки.

Къ сожалѣнію, даже послѣ разъясненій кн. Трубецкого, между нами остается принципиальное разногласіе именно насчетъ этихъ основныхъ, можно сказать, элементарныхъ вопросовъ, отъ разрѣшенія которыхъ зависитъ вся дальнѣйшая судьба философіи. Постараюсь возможно кратко обозначить главные пункты, оставляя въ сторонѣ все второстепенное, чтобы не осложнять полемики.

Первый пунктъ касается реальности матеріальнаго міра. Въ статьѣ, на которую я возражалъ, кн. Трубецкой говоритъ: «первое положеніе философскаго идеализма состоитъ въ томъ, что міръ есть явленіе. Внѣ явленія, помимо явленія мы ничего не знаемъ и не можемъ ни знать, ни предполагать логически. Въ этомъ положеніи идеализмъ совпадаетъ съ эмпиризмомъ и обосновываетъ эмпирію своею теоріей познанія. Сущее есть то, что является: это—первое, элементарное его *метафизическое* опредѣленіе» (стр. 77). Я выразилъ недоумѣніе по поводу того, кто же изъ философовъ-идеалистовъ высказалъ такое положеніе. Теперь, въ изложеніи общаго плана своего сочиненія кн. Трубецкой разъясняетъ, что онъ имѣлъ въ виду критику *эмпиризма* (стр. 291 слѣд.). Но, приступая къ возраженіямъ, онъ опять повторяетъ: «міръ есть явленіе. Это общепризнанное положеніе философіи служитъ точкой отправленія идеализма» (стр. 294). Тутъ же говорится, что «наивный, или безотчетный реализмъ, свойственный чувственному сознанію *до зарожденія философіи и науки*, принимаетъ являющійся міръ за нѣчто безусловно реальное. Но постепенно опытъ и размышленіе убѣждаютъ мыслящее человѣчество въ томъ, что окружающіе насъ предметы такой реальностью не обладаютъ, что она принадлежитъ чему-то другому, постигаемому умомъ, а не чувственной дѣйствительности, которую мы воспринимаемъ». Нѣсколько далѣе утверждается однако, что и для науки антиномія, присущая научному понятію о томъ, что явленіе, какъ таковое, обусловлено чувствующимъ субъектомъ, можетъ вовсе и не существовать. «Она просто признаетъ опытную эмпирическую реальность явленій, которую она изслѣдуетъ» (стр. 295). Какъ будто наука не принадлежитъ къ мыслящему человѣчеству! Мы опять недоумѣваемъ, съ кѣмъ и съ чѣмъ мы имѣемъ дѣло.

Кн. Трубецкой, повидимому, не даетъ себѣ яснаго отчета въ различіи первобытнаго, наивнаго эмпиризма и научнаго опыта, ибо онъ приписываетъ мнѣ «безотчетную, то-есть несознательную вѣру въ то, что внѣшнія чувства сами собой доставляютъ реальное воспріятіе подлиннаго сущаго» (стр. 317). Я, напротивъ, всегда говорилъ совершенно другое. Я утверждалъ и утверждаю, что только *проверенный* опытъ даетъ намъ истинное знаніе вещей. Явленіе есть отношеніе субъекта къ объекту; оно столь же обусловлено субъектомъ, какъ и тѣмъ предметомъ, отъ котораго получается впечатлѣніе. Безотчетный эмпиризмъ можетъ принимать явленіе за сущее; но задача науки состоитъ въ томъ, чтобы анализировать это отношеніе, разнѣять его элементы и опредѣлить, что въ немъ есть субъективнаго и что объективнаго. Въ различныхъ случаяхъ она можетъ прійти къ разнымъ заключеніямъ. Такъ, наприм., когда я слышу звукъ, наука убѣждаетъ меня, что звукъ есть чисто-субъективное ощущеніе, а въ дѣйствительности есть сотрясеніе воздуха, которое является *причиною* этого ощущенія. Точно также, когда я вижу краску, наука убѣждаетъ меня, что, въ дѣйствительности, это вовсе не краска, а колебанія эѳира, который не принадлежитъ даже къ разряду явленій, ибо онъ никакимъ чувствамъ не подлежитъ, а предполагается только разумомъ, какъ логическое объясненіе поражающихъ насъ явленій. Но когда моимъ чувствамъ представляется круглый и твердый билліардный шаръ, проверенный опытъ убѣждаетъ меня, что онъ дѣйствительно круглый, а не кубическій, ибо иначе онъ не катился бы по плоскости, и дѣйствительно твердый, а не жидкій и не газообразный, ибо иначе онъ разлился бы или рассѣялся въ воздухѣ. Кн. Трубецкой удивляется, какъ можно, послѣ вѣковыхъ усилій критической теоріи познанія, прійти къ признанію реальнаго существованія билліарднаго шара; а я, признаюсь, не понимаю, какъ можно отвергать эту реальность, не впадая въ чистый иллюзіонизмъ. Если явленія шарообразнаго и твердаго тѣла чисто-субъективны, то надобно показать, что имъ отвѣчаетъ въ дѣйствительности, подобно тому какъ звуку соотвѣтствуютъ сотрясенія воздуха, а краскѣ—колебанія эѳира. Но о томъ, что задача науки состоитъ въ изслѣдованіи причинъ представляющихся намъ явленій, у кн. Трубецкого нѣтъ и помину. Для него этотъ вопросъ какъ будто не существуетъ.

Основываясь на чисто-научныхъ выводахъ, мы можемъ признать реально шарообразнымъ даже такое тѣло, которое никто не видалъ таковымъ. Такъ, наприим., мы знаемъ совершенно достоверно, что земля есть шаръ, сплюснутый у полюсовъ; но видѣть ее таковою могутъ только жители другой планеты. Для насъ же это—фактъ, который доказывается не чувственнымъ воспріятіемъ, а научными данными, какъ-то: географическими изслѣдованіями, законами колебанія маятника, измѣреніями земной поверхности. Спрашивается: допускаетъ ли кн. Трубецкой, что земля есть, дѣйствительно, шаръ, или это не болѣе какъ чувственное воспріятіе, обусловленное субъектомъ, подобно зеленому цвѣту?

Даже относительно явленій совершенно однородныхъ научный опытъ можетъ въ разныхъ случаяхъ прійти къ противоположнымъ заключеніямъ: одни онъ можетъ признать соотвѣтствующими дѣйствительности, а другія—чистыми иллюзіями. Такъ, наприим., мы видимъ, что луна обращается около земли, и наука удостовѣряетъ насъ, что это дѣйствительно такъ. Спрашивается, какое тутъ отношеніе между субъективнымъ элементомъ и объективнымъ: обращеніе ли луны обусловливается нашимъ субъективнымъ впечатлѣніемъ, или наше субъективное впечатлѣніе обусловливается обращеніемъ луны? Но у насъ есть другое, совершенно аналогическое явленіе: для нашихъ чувствъ солнце совершенно такъ же обращается вокругъ земли, какъ и луна; однако, на этотъ разъ наука удостовѣряетъ насъ, что это не болѣе какъ иллюзія, и что въ дѣйствительности не солнце обращается около земли, а земля около солнца. Такимъ образомъ, говоря объ эмпиризмѣ, надобно изслѣдовать, что даетъ намъ провѣренный опытъ и что онъ раскрываетъ намъ относительно дѣйствительнаго существованія вещей, а не довольствоваться общимъ утвержденіемъ, что все это принадлежитъ къ области явленій, а потому обусловлено субъектомъ. При такомъ взглядѣ приходится обращеніе земли около солнца и всѣ астрономическіе законы поставить въ одну категорію съ ощущеніемъ красной и зеленой краски. Все сливается въ одну безразличную массу явленій, обусловленныхъ субъектомъ, а потому лишенныхъ всякой реальности.

Повидимому, кн. Трубецкой не вполне выяснилъ себѣ, что такое явленіе, ибо онъ причисляетъ къ этому разряду то, что вовсе къ нему не принадлежитъ. Такъ, онъ говоритъ: «матерія

есть явленіе» (стр. 304). Въ другомъ мѣстѣ онъ называетъ матерію «чувственною формою» (стр. 323). По-моему, матерія не есть ни форма, ни явленіе, ни что-либо чувственное. Матерія и форма суть два понятія, которыя обыкновенно противопоставляются другъ другу. Матерія, какъ таковая, невидима и неосязаема, а потому не есть явленіе. По своему понятію, матерія есть субстанція, лежащая въ основаніи чувственныхъ явленій и остающаяся тождественною съ собою при всѣхъ ихъ измѣненіяхъ, то-есть это—умственное опредѣленіе, или категорія, посредствомъ которой связываются чувственные качества. Есть ли это опредѣленіе лишь пустое представленіе нашего ума или ему соответствуетъ реальная сущность, объ этомъ можно спорить. Локкъ, вслѣдъ за средневѣковыми номиналистами, держался перваго взгляда. Но химія неопровержимымъ образомъ доказываетъ, что въ дѣйствительности ни единый атомъ этой мыслимой субстанціи не возникаетъ и не уничтожается, но что она, при всевозможныхъ сочетаніяхъ и раздѣленіяхъ и при измѣненіи всѣхъ чувственныхъ качествъ, всегда пребываетъ сама себѣ равною. Такой результатъ опытной науки служитъ самымъ сильнымъ доказательствомъ въ пользу реальности метафизическихъ опредѣленій. Но кн. Трубецкой не только имъ не воспользовался, но самое это метафизическое опредѣленіе онъ причислилъ къ разряду явленій, съ цѣлью подорвать реальное значеніе всего матеріальнаго міра. Спрашивается: что же такое эти раскрываемые химіею, постоянно тождественные съ собою элементы? Имѣютъ ли они реальное существованіе, независимое отъ субъекта, или они также обусловлены субъектомъ и составляютъ лишь идеальное его представленіе? Кн. Трубецкой увѣряетъ, что опытные науки могутъ вовсе не вѣдать этихъ метафизическихъ споровъ, которые не касаются добытыхъ ими результатовъ, а лишь выясняютъ философское ихъ значеніе. Думаю, напротивъ, что эти вопросы затрогиваютъ опытные науки въ самыхъ ихъ основаніяхъ, ибо ихъ задача заключается въ томъ, чтобы раскрыть дѣйствительные законы природы и истинныя причины явленій, какъ они существуютъ независимо отъ нашихъ субъективныхъ представленій. Для опытныхъ наукъ вовсе не все равно, дѣйствительно ли земля есть сплюснутый къ полюсамъ шаръ или это такая же субъективная форма воспріятія, какъ зеленый цвѣтъ, для котораго требуется отыскать подходящую причину.

Если эти науки не обращаютъ вниманія на споры метафизиковъ, то это происходитъ единственно оттого, что, стоя на чисто-эмпирической точкѣ зрѣнія, онѣ считаютъ ихъ праздными толками, не могущими имѣть вліянія на добытые ими результаты. Показать, въ чемъ онѣ правы и въ чемъ ошибаются, отличить вѣрность путей и недостаточность исключительно опытной точки зрѣнія, признать непоколебимую истину фактическихъ выводовъ и ограниченность сферы, къ которой они относятся, все это можно, только тщательно изслѣдовавъ методы опытныхъ наукъ, ихъ точки отправленія и ихъ способы дѣйствія. Но ничего подобнаго мы у кн. Трубецкого не находимъ. Истинныя задачи опытныхъ наукъ остаются ему чужды. Поэтому его аргументація лишена настоящей почвы.

Единственное доказательство, которое онъ представляетъ противъ реального существованія матеріальнаго міра, независимо отъ субъекта, заключается въ томъ, что самое пространство и время, которыми обусловливаются всѣ матеріальныя явленія, суть априорныя формы нашихъ чувственныхъ воспріятій, а потому, вмѣстѣ со всѣмъ своимъ содержаніемъ, имѣютъ чисто идеальный характеръ. Указывая на то, что я въ этомъ отношеніи признаю безсмертную заслугу Канта, онъ говоритъ: «по-моему, тутъ рѣшительная дилемма: если время и пространство суть формы чувственного воспріятія, то они никакъ не могутъ быть безусловно реальными формами сущаго, и наоборотъ. Весь вопросъ сводится къ тому, суть ли они формы воспріятія или нѣтъ?» (стр. 299).

Мнѣ такая дилемма представляется лишенною логическаго основанія. Не понимаю, почему прирожденнымъ формамъ чувственного воспріятія не можетъ соответствовать реальное бытіе вещей. Не только одно не исключаетъ другого, но казалось бы, напротивъ, что такое соответствіе непременно должно существовать; иначе субъектъ не могъ бы жить и дѣйствовать въ реальномъ мірѣ. Еслибы свойственныя намъ представленія пространства и времени не соответствовали тому, что есть на самомъ дѣлѣ, мы не могли бы сдѣлать ни единого шага на землѣ и еще менѣе мы могли бы руководствоваться соображеніями будущаго. Возможность предсказывать безошибочно минуту и мѣсто наступленія солнечнаго затмѣнія или открывать, на основаніи математическихъ вычисленій, никому не вѣдомыя планеты доказываетъ, что пространство и время въ дѣйствительности

именно таковы, какими они представляются намъ въ апріорныхъ формахъ, на основаніи которыхъ мы дѣлаемъ свои вычисленія. Гдѣ же тутъ мѣсто для дилеммы?

Самъ кн. Трубецкой признаетъ, что эти общія формы чувственнаго бытія не имѣютъ чисто-субъективнаго значенія. Чтобы придать имъ объективность, сохраняя ихъ идеальность, онъ различаетъ субъективный и *трансцендентальный* идеализмъ, упрекая меня въ томъ, что я не хочу признать этого различія. Въ трансцендентальномъ идеализмѣ, по его мнѣнію, заключается истинное разрѣшеніе вопроса. Въ чемъ же онъ полагаетъ это различіе? Въ первыхъ статьяхъ своихъ, которыя я подвергъ критикѣ, онъ отъ субъективной чувственности отличалъ какую-то общую, трансцендентальную чувственность. Меня это озадачило; я ничего не понялъ и спросилъ: да чья же это чувственность? Въ своемъ отвѣтѣ кн. Трубецкой разъясняетъ, что субъектъ этой трансцендентальной чувственности есть *міровая душа*, нѣчто отличное отъ Божества, но долженствующее быть признаннымъ какъ общій субъектъ пространства и времени. Кн. Трубецкой согласится, что объ этомъ никакъ нельзя было догадаться. Если онъ, въ видахъ краткости изложенія, умолчалъ объ этомъ весьма существенномъ элементѣ своего воззрѣнія и оставилъ общую чувственность витающею въ облакахъ, то нельзя пенять на критика за то, что онъ не понялъ мыслей автора. Онъ согласится вѣроятно и съ тѣмъ, что ссылки, изъ новыхъ философовъ, на одного Шеллинга, который однако не отличалъ міровой души отъ абсолютнаго духа и впоследствии самъ отрекся отъ своихъ пантеистическихъ взглядовъ, а затѣмъ только на невыясненные намеки В. С. Соловьева, совершенно недостаточно для того, чтобы обосновать это представленіе, которое по его объясненію, является краеугольнымъ камнемъ трансцендентальнаго идеализма.

О существованіи міровой души я спорить не стану,—это отвлекло бы насъ слишкомъ далеко отъ настоящаго предмета нашего разногласія. Замѣчу только, что этимъ вопросомъ о пространствѣ и времени все-таки не рѣшается. Прежде всего, я положительно не могу понять, какимъ образомъ, даже признавши существованіе міровой души, можно приписать ей какую-либо чувственность. Вѣдь чувственность, о которой идетъ рѣчь, то есть чувственное воспріятіе впечатлѣній, есть зрѣніе, слухъ, обо-

няніе, осязаніе, вкусъ, для которыхъ требуются соотвѣтствующіе физическіе органы. Приписывать міровой душѣ глаза, уши, носъ, ротъ, руки, по-моему, такъ же нелѣпо, какъ приписывать ихъ Божеству. Или мы скажемъ, что такъ какъ міровая душа разлита во всемъ, то она видитъ, слышитъ, обоняетъ, вкушаетъ посредствомъ нашихъ физическихъ органовъ? Но это значитъ впадать въ пантеизмъ, отъ котораго кн. Трубецкой отрекается. Или, наконецъ, мы скажемъ, что міровая душа обладаетъ какими-то неизвѣстными намъ физическими органами и способами воспріятія, не имѣющими никакой аналогіи съ нашими? Но тутъ мы вдаемся въ область чистыхъ фантазій, изъ которыхъ притомъ мы ровно ничего не можемъ вывести, ибо если органы и способы чувственного воспріятія міровой души таковы, что мы не можемъ даже составить себѣ о нихъ ни малѣйшаго понятія, то и общія формы этого чувственного воспріятія могутъ быть совершенно отличны отъ нашихъ. А потому вопросъ объ объективномъ значеніи нашихъ представленій пространства и времени остается нерѣшеннымъ. Затѣмъ, допуская даже всевозможныя фантастическія гипотезы относительно чувственныхъ органовъ міровой души, мы все-таки приходимъ къ тому результату, что пространство и время суть не болѣе какъ чувственныя формы ея воспріятій, то-есть представленія этого субъекта. Между тѣмъ, самъ кн. Трубецкой признаетъ, что явленія, а потому и обусловливающія ихъ пространство и время, не суть только грезы универсальнаго субъекта (стр. 326). Что же они такое объективно, или реально? Относительно человѣческихъ субъектовъ остается нерѣшеннымъ вопросъ: какимъ образомъ можемъ мы предсказывать солнечныя затмѣнія? Скажемъ ли мы, что міровая душа, руководящая нашими представленіями, производитъ и соотвѣтственныя имъ движенія или подобія движеній во внѣшнемъ мірѣ? Это будетъ нѣчто вродѣ предустановленной гармоніи Лейбница, въ которой монады уподоблялись одинаково заведеннымъ часамъ. Но тогда надобно объяснить, почему невѣжды въ этомъ отношеніи ошибаются, а знающіе люди приходятъ къ достовѣрнымъ выводамъ. Если же мы не остановимся на этомъ внѣшнемъ механизмѣ, то остается искать объясненія въ соотвѣтствіи реальнаго пространства съ нашими умозрительными представленіями. Это и побудило меня попытаться опредѣлить объективное значеніе пространства и времени на осно-

ваніи общепризнанныхъ ихъ свойствъ. Отъ взглядовъ, высказанныхъ въ статьѣ, на которую указываетъ кн. Трубецкой, я никогда не думалъ отрекаться. Отрицать существованіе чувственныхъ органовъ у Божества не значитъ отвергать его вездѣ-существо и вѣчность.

Съ другой стороны, это соотвѣтствіе между независимыми отъ насъ внѣшними явленіями и нашими умозрительными представленіями и понятіями убѣждаетъ насъ, что самый разумъ, какъ органъ познанія, устроенъ такъ, что онъ способенъ познавать вещи, какъ онѣ въ самомъ дѣлѣ существуютъ, а не только такъ, какъ онѣ представляются нашимъ внѣшнимъ чувствамъ. Это приводитъ насъ ко второму существенному пункту разногласія между кн. Трубецкимъ и мною, именно къ вопросу о самостоятельности разума, какъ органа познанія. Признавая реальное существованіе физическаго міра, независимое отъ субъекта, я, съ другой стороны, признаю и самостоятельное значеніе разума, какъ органа познанія и мѣрила истины. Кн. Трубецкой, напротивъ, отвергаетъ то и другое. Слѣдуя Тренделенбургу въ его критикѣ Гегеля, онъ уподобилъ разумъ пустой шляпѣ, изъ которой вынимается только то, что въ нее напередъ положено. Я замѣтилъ, что разумъ не есть пустая шляпа, а живая, дѣятельная сила, которая въ себѣ самой носитъ свои начала и законы и только въ силу этого можетъ быть органомъ истиннаго знанія. Кн. Трубецкой отвѣчаетъ, что это сравненіе относится не къ разуму, а къ софистическому злоупотребленію діалектикой. Полагаю, что во всѣхъ случаяхъ такое сравненіе неумѣстно, ибо при такомъ взглядѣ всякій умозрительный выводъ представляется злоупотребленіемъ. Можно спорить о томъ, выводится ли то или другое опредѣленіе чисто умозрительно или для него заимствуются опытные данныя; но если *весь умозрительный процессъ* представляется, какъ у Тренделенбурга, чистою подтасовкой, въ которой заимствованныя изъ опыта данныя прикрываются мнимо логическими формами, тогда, дѣйствительно, разумъ оказывается пустымъ вмѣстилищемъ, въ которое вкладывается внѣшнее ему содержаніе, или, по старому сравненію, чистою доскою, на которой отпечатлѣваются внѣшнія воспріятія. Тогда остается признать опытъ единственнымъ основаніемъ знанія. Именно этому направленію проложилъ путь Тренделенбургъ своими *Логическими изслѣдованіями*. Однако кн. Тру-

бецкой не думаетъ идти по этой дорогѣ. Соглашаясь съ отрицательными выводами нѣмецкаго философа, онъ ищетъ иного исхода. Онъ находитъ его въ мистицизмѣ.

Это обусловливается собственною его критикой рационализма. Противъ возможности чистаго умозрѣнія кн. Трубецкой въ своихъ статьяхъ приводитъ два доказательства. Первое состояло въ томъ, что всякая идея, взятая въ своей отвлеченности, безъ отношенія къ конкретному существу, заключаетъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе. «Абстрактное понятіе, — говоритъ онъ, — мыслимое помимо такого отношенія, заключаетъ въ себѣ *логическое* противорѣчіе.... и тамъ, гдѣ мы пытаемся логически мыслить такое понятіе, оно неизбежно *само себя опровергаетъ*» (стр. 237, 238). Второе доказательство состояло въ томъ, что мысль, для того, чтобы быть логическою, должна быть *обоснована*; основаніемъ же можетъ служить только ея отношеніе къ *существу* (стр. 240).

Противъ перваго я возразилъ указаніемъ на чисто отвлеченныя понятія величины и треугольника, изъ которыхъ, безъ всякаго внутренняго противорѣчія, математическимъ путемъ, дѣлаются совершенно достовѣрные выводы. На это кн. Трубецкой отвѣчаетъ, что я напрасно ссылаюсь на алгебру и геометрію, чтобы убѣдить его въ возможности логическаго примѣненія понятій величины и треугольника. «Да гдѣ же я это отрицалъ»? — спрашиваетъ онъ. Да тамъ, гдѣ вы утверждали, что всякое отвлеченное понятіе, взятое внѣ отношенія къ конкретному существу, заключаетъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе и само себя опровергаетъ.

Объясняя свою мысль, кн. Трубецкой говоритъ, что «противорѣчіе съ дѣйствительностью состоитъ въ томъ, что общія идеи противоплагаются индивидуальнымъ вещамъ, не покрывая собою ихъ содержанія и постольку исключая его въ своей отвлеченности; противорѣчіе съ логикой состоитъ въ томъ, что родовыя понятія, утверждаемыя безотносительно, исключаютъ логическое отношеніе къ видовымъ понятіямъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ нѣтъ рода безъ видовъ» (стр. 311). Въ дѣйствительности, ни въ томъ, ни въ другомъ нѣтъ ни малѣйшаго противорѣчія. Отвлеченныя понятія треугольника или круга, съ которыми оперируетъ геометрія, нисколько не мѣшаютъ существованію реальныхъ предметовъ, имѣющихъ эти формы, и исключеніе изъ первыхъ

реального содержанія не только не уничтожаетъ правильности выводовъ, а, напротивъ, составляетъ необходимое ея условіе. Точно также и разсмотрѣніе треугольника вообще, независимо отъ возможныхъ его видовъ, нисколько не мѣшаетъ совершенно достовѣрному заключенію, что сумма его угловъ равняется двумъ прямымъ. Самъ авторъ признаетъ, что логически нѣтъ противорѣчія въ томъ, что родовыя понятія, какъ обобщенія, не заключаютъ въ себѣ спеціальнаго содержанія видовъ. «Но,—говоритъ онъ,—если мы гипотезируемъ эти понятія и примемъ ихъ за абсолютныя, самодовлѣющія идеи, безъ отношенія къ другимъ понятіямъ, мы невольно разорвемъ ихъ логическую связь, соединяющую общія понятія съ частными» (стр. 312). Что такое гипотезированіе треугольника или круга, не совсѣмъ ясно. Если подъ этимъ разумѣется, по опредѣленію автора, превращеніе сказуемыхъ въ подлежащія (стр. 311), то это именно то, что дѣлаетъ геометрія. Реально, треугольная и круглая формы составляютъ принадлежность тѣлъ; геометрія же эти свойства превращаетъ въ подлежащія. Она называетъ ихъ существительными именами, треугольникомъ или кругомъ, и рассматриваетъ ихъ какъ самостоятельныя и самодовлѣющія представленія. А между тѣмъ, этимъ не разрывается никакая логическая связь и получаются совершенно достовѣрные выводы.

Вопреки мнѣнію кн. Трубецкого, изъ общаго понятія треугольника можно вывести и различные его виды. Это совсѣмъ не то, что выводить изъ понятія «человѣка» особенности расъ. Последнее есть чисто-опытное понятіе, котораго безъ опытныхъ данныхъ нельзя получить. Понятіе же треугольника есть геометрическая конструкція, которая въ себѣ самой содержитъ свое расчлененіе. Это общее понятіе заключаетъ въ себѣ три стороны и три угла. По свойству всякой величины, стороны могутъ быть равны или неравны между собой. Отсюда—различіе треугольниковъ равностороннихъ, равнобедренныхъ и разностороннихъ. Уголъ же, опять по самому своему свойству, можетъ быть тупой, прямой или острый; а такъ какъ во всякомъ треугольникѣ сумма угловъ равняется двумъ прямымъ, то изъ этого слѣдуетъ, что въ немъ только одинъ уголъ можетъ быть прямой, а остальные два, при этомъ условіи, непременно должны быть острыми. Все это логически связано одно съ другимъ, и геометрія, рассматривая каждую фигуру въ отвлеченіи, не впа-

даетъ ни въ какое противорѣчіе съ собой. Понятій, опровергающихъ самихъ себя, тутъ не оказывается.

Напрасно также кн. Трубецкой ссылается на Гегеля, который въ одномъ и томъ же отношеніи является у него то чистымъ софистомъ, то важнымъ авторитетомъ. Тѣ противорѣчія, которыя обнаруживаются въ категоріяхъ, оторванныхъ отъ общей связи и требующихъ восполненія, нисколько не мѣшаютъ тому, что, отдѣльно взятыя, категоріи заключаютъ въ себѣ совершенно достовѣрную истину. Категорія количества есть одна изъ самыхъ отвлеченныхъ; а между тѣмъ, изслѣдуя ее отрѣшенно отъ другихъ, отвлекаясь отъ всякаго качества и отъ всякаго реального бытія, математика достигаетъ безусловно точнаго и достовѣрнаго знанія. О діалектикѣ можно спорить; но математика неопровержимымъ образомъ доказываетъ, что чисто-отвлеченное мышленіе не заключаетъ въ себѣ никакого противорѣчія и даетъ намъ вполне достовѣрную истину. Въ немъ могутъ встрѣтиться и противорѣчащія понятія; но надобно разобрать, въ чемъ состоитъ противорѣчіе и какого оно требуетъ восполненія и поправки. Во всякомъ случаѣ, въ такой общности этого положенія выставить нельзя и еще менѣе можно употреблять его, какъ доказательство противъ всякаго отвлеченія.

Математика доказываетъ и то, что, вопреки мнѣнію кн. Трубецкого, для того, чтобы мысль была логична, вовсе не требуется, чтобы она имѣла основаніе въ какомъ-либо реальномъ бытіи; логическаго основанія совершенно достаточно. Я указалъ на основное положеніе, на которомъ зиждутся всѣ математическія науки, именно, что двѣ величины, равныя третьей, равны между собою. Чистые эмпирики, какъ Милль, ищутъ для него основаній въ реальномъ бытіи; но всякій человѣкъ, который во имя теоріи не отрицаетъ логики, видитъ, что тутъ есть чисто логическая связь отвлеченныхъ понятій, которая однако достаточно для того, чтобы дать этому положенію характеръ безусловной истины. Кн. Трубецкой этотъ примѣръ обходитъ молчаніемъ. Говоря объ отношеніи логическаго основанія къ реальному, онъ замѣчаетъ только: «но какъ мыслить отношеніе логическаго къ реальному, вотъ въ чемъ вопросъ». Для эмпириковъ, которые основаніе всякой логической связи полагаютъ въ привычкѣ видѣть вещи такъ, а не иначе, весь вопросъ дѣйствительно заключается въ этомъ. Но для философа это два

вопроса разные. Логическое основаніе, имѣющее корни въ мысли, онъ отличаетъ отъ реального основанія, имѣющаго корни во внѣшнемъ бытіи, и спрашиваетъ себя: достаточно ли первое для утвержденія истины и въ какихъ случаяхъ оно можетъ быть достаточно? Если разумъ есть самостоятельная сила, имѣющая свои начала и законы, то эти начала и законы могутъ дать намъ общія и необходимыя логическія истины, имѣющія полную очевидность помимо всякаго реального бытія и могущія, въ свою очередь, служить намъ способами познанія вещей. Напротивъ, если разумъ самъ въ себѣ ничего не содержитъ, если это не болѣе какъ пустое вмѣстилище, въ которое влагается внѣшнее ему содержаніе, если всѣ умозрительные выводы не что иное какъ чистая софистика, то основанія всякой мысли слѣдуетъ искать въ какомъ-либо реальномъ бытіи. Это и есть точка зрѣнія эмпириковъ. Приведенное выше положеніе, а съ тѣмъ вмѣстѣ и вся математика служатъ неопровержимымъ доказательствомъ въ пользу перваго взгляда. Логическая связь понятій несомнѣнно можетъ служить основаніемъ истины, независимо отъ ея отношенія къ реальному бытію.

Въ своей критикѣ я указалъ и на противорѣчія, оказывающіяся у князя Трубецкого въ опредѣленіи того бытія, которое должно служить основаніемъ мысли. То это—конкретное бытіе, которое не покрывается мыслью, а противоположается ей, то это—лишь самое общее понятіе о бытіи, то-есть чисто логическое опредѣленіе, не имѣющее въ себѣ ничего реального, а между тѣмъ служащее основаніемъ для вывода категорій. Въ своемъ отвѣтѣ кн. Трубецкой упрекаетъ меня въ томъ, что я не только невѣрно изложилъ его мысль, но даже цитировалъ его болѣе чѣмъ неточно. Это уже обвиненіе въ недобросовѣстномъ искаженіи мыслей автора, а потому я долженъ на немъ остановиться нѣсколько подробнѣе.

Соглашаясь съ авторомъ, что мысль не покрываетъ всякаго бытія, я сказалъ, что онъ не ограничивается признаніемъ двухъ видовъ сущаго: мыслимаго и чувственнаго, а увлекаясь своимъ желаніемъ найти для мысли реальное основаніе, признаетъ сущимъ единственно то, что противоположно мысли. При этомъ я сослался на стр. 236, 237 и 241. Кн. Трубецкой отвѣчаетъ, что такая опредѣленная ссылка повергла его въ немалое смущеніе: какъ могъ онъ допустить выраженіе подобной мысли! «Къ

счастію, — говоритъ онъ, — на стр. 237 и 241 я такого выраженія не нашелъ, а на стр. 236 прочиталъ какъ разъ обратное». Посмотримъ же, что находится на указанныхъ страницахъ.

На стр. 236 читаемъ: «Но, на самомъ дѣлѣ, наша мысль истинна, положительна только въ своемъ возможномъ (или дѣйствительномъ) отношеніи къ *сущему*, которое дано ей и неизбежно *предполагается* ею. Понимаемая отвлеченно, то-есть внѣ такого отношенія, она, очевидно, можетъ быть только ложнымъ, расплывающимся призракомъ дѣйствительности. Если внѣ мысли ничто не мыслимо, если все сущее понимается только мыслью, то, съ другой стороны, самая мысль въ своей отвлеченности по необходимости *противопоставляется* сущему». На стр. 237 читаемъ: «самая эта идея, въ свою очередь, можетъ быть признана логичной только въ предположеніи *основанія* для этой идеи, то-есть въ томъ предположеніи, что ей соотвѣтствуетъ *отличное отъ нея сущее*». И далѣе: «всякое логическое опредѣленіе сущаго, какъ чего-то отличнаго отъ идеи, на самомъ дѣлѣ уже *предполагаетъ* такое *отличное отъ нея сущее*, какъ нѣчто *данное* мысли и не выводимое изъ ея абстрактныхъ понятій». На стр. 241: «какъ эта идея, такъ и всѣ ея опредѣленія не представляются намъ безотносительными: мысль логична, насколько она положительна, то-есть обоснована *сущимъ*».

Спрашиваю у всякаго безпристрастнаго читателя: имѣлъ ли я основаніе понимать эти выраженія такъ, что *сущимъ* признается нѣчто отличное отъ мысли, нѣчто противопоставляемое ей, какъ таковой, то-есть мысли въ ея отвлеченіи? Послѣ утвержденія кн. Трубецкого, что онъ хотѣлъ сказать какъ разъ обратное, я долженъ признать, что я невѣрно его понялъ; но вина въ этомъ заключается не въ преднамѣренномъ искаженіи его мыслей, а развѣ въ томъ, что, какъ онъ самъ говоритъ, положеніе, имъ занимаемое, представляется мнѣ «совершенно чуждымъ и непонятнымъ». Дѣйствительно, я никакъ не могу въ немъ разобраться, не смотря на самое искреннее желаніе уразумѣть точку зрѣнія автора. То мнѣ говорятъ, что бытіе, которое предполагается мыслью, есть конкретное, индивидуальное, то это лишь общее понятіе бытія, то-есть чисто логическое опредѣленіе; то *сущимъ* признается нѣчто отличное отъ мысли, что противопоставляется ей въ ея отвлеченіи, то утверждается, что это нѣчто ей *имманентное*, то-есть всегда ей присущее. Откровенно признаюсь,

что я тутъ ровно ничего не понимаю. Если кн. Трубецкой хочетъ, чтобы его точка зрѣнія была доступна человѣку, непосвященному въ тайны его міросозерцанія, онъ долженъ развить ее нѣсколько обстоятельнѣе, въ особенности избѣгая тѣхъ кажущихся противорѣчій, которыя могутъ сбить съ толку самаго непредубѣжденнаго читателя.

Недоумѣніе увеличивается, когда мы узнаемъ, что для постиженія этого *имманентнаго* бытія нуженъ особый источникъ познанія — *вѣра*. Это — третій существенный пунктъ разногласія между кн. Трубецкимъ и мною. Казалось бы, если разумъ можетъ что-либо понять и познать собственною дѣятельностью, такъ это то, что всегда ему присуще, что заключается въ немъ самомъ. Для познанія *внѣшняго*, чуждаго ему бытія дѣйствительно нуженъ особый источникъ познанія. Таковой дается намъ *внѣшними* чувствами относительно матеріальнаго міра, котораго бытіе не покрывается мыслью. Но когда мы имѣемъ, съ одной стороны, *внѣшній* опытъ, раскрывающій намъ конкретное, индивидуальное бытіе, и рядомъ съ нимъ *внутренній* опытъ, раскрывающій намъ психическія состоянія единичнаго субъекта, а съ другой стороны логическое мышленіе, которое даетъ намъ общія и необходимыя начала, связывающія индивидуальное бытіе въ цѣльную систему, то зачѣмъ нуженъ еще третій источникъ познанія? «Да хотя бы (!) затѣмъ, — отвѣчаетъ кн. Трубецкой, — что явленія и идея не покрываютъ другъ друга и постольку представляются относительными, обусловленными формами сущаго, предполагающими общее основаніе въ абсолютномъ, сверхотносительномъ сущемъ. Какъ сверхотносительное и абсолютное, оно можетъ быть сознаваемо лишь въ томъ случаѣ, если оно имманентно нашему духу. Очевидно, оно не покрывается никакимъ чувствомъ и никакою мыслью, будучи основой того и другого, и можетъ быть дано намъ лишь въ непосредственномъ отношеніи къ нему нашего духа... Это апріорное данное нашего сознанія и познанія, составляющее предметъ нашей увѣренности, нашего внутренняго безотчетнаго признанія, или *вѣры*» (стр. 316).

Но развѣ изъ того, что чувственное бытіе и мыслимое не покрываютъ другъ друга, слѣдуетъ, что мы должны для постиженія ихъ связи искать третьяго, независимаго отъ разума и опыта источника познанія? Развѣ возведеніе противоположностей къ лежащему въ основаніи ихъ единству и восхожденіе

отъ относительнаго къ абсолютному не есть логическое требованіе? Развѣ законъ причинности, который заставляетъ насъ искать первой причины всего сущаго, не есть логическій законъ? Развѣ это возведеніе относительнаго къ абсолютному не было искони задачей философіи, помимо всякой вѣры? Хорошо или дурно она разрѣшала эту высшую изъ всѣхъ задачъ, какія представляются человѣческому уму, это — другой вопросъ. Но надобно съ этимъ сопоставить то, что даетъ намъ безотчетная вѣра, помимо откровенія. Самъ кн. Трубецкой, въ весьма основательной критикѣ мистицизма, признаетъ, что «критерій всѣхъ положеній, относящихся къ абсолютному міру, заключается въ объективномъ логическомъ знаніи, основанномъ на опытѣ» («Осн. ид.», стр. 575). Съ другой стороны, и въ области метафизики онъ столь же рѣшительно отвергаетъ непосредственное откровеніе, «или интеллектуальную интуицію», какъ органъ и критерій познанія. «Подобное предположеніе, — говоритъ онъ, — едва ли заслуживаетъ серіознаго обсужденія: мистическая интуиція, подобно небесной маннѣ, часто мѣняетъ свой вкусъ по желанію того, кто ее вкушаетъ, и возводитъ ее въ самостоятельный органъ познанія и искать въ ней критерія истины значило бы просто провозгласить непогрѣшимость нашей фантазіи» (тамъ же). Какимъ образомъ можно послѣ этого признать самую эту мистическую интуицію самостоятельнымъ началомъ познанія, на-ряду съ умозрѣніемъ и опытомъ, это для меня опять остается совершеннѣйшею загадкой. И опытъ и умозрѣніе потому признаются нами самостоятельными источниками познанія, что каждый изъ нихъ даетъ намъ то, что не дается другимъ. Опытъ раскрываетъ намъ факты внѣшняго міра, то конкретное, индивидуальное бытіе, которое не можетъ быть выведено умозрительно. Съ другой стороны, чисто-логическая дедукція даетъ намъ систему категорій и математику, которыя опытнымъ путемъ не выводятся, а между тѣмъ раскрываютъ намъ общіе и необходимые законы міровыхъ явленій. Но какое же особенное содержаніе дается намъ мистическою интуиціей? Сверхотносительное бытіе? Но самое понятіе этого бытія и всѣ его опредѣленія вытекаютъ изъ требованій логики. То понятіе объ абсолютномъ Духѣ, заключающемъ въ себѣ основаніе своего Другого и своего отношенія къ этому Другому, которое развиваетъ кн. Трубецкой, дается намъ не безотчетною

вѣрой, а чисто-логическимъ процессомъ: оно составляетъ результатъ логическаго развитія идеализма.

Кромѣ абсолютнаго Духа, кн. Трубецкой признаетъ и другой субъектъ мірового процесса, Міровую Душу, которая, по его теоріи, нужна именно затѣмъ, чтобы связать явленіе міра съ апріорными представленіями субъекта. Это понятіе составляетъ основаніе трансцендентальнаго идеализма, какъ его понимаетъ авторъ. Что же, дается ли оно намъ непосредственною вѣрой, или оно полагается, какъ логическое требованіе? Еслибы это бытіе, отъ котораго зависятъ всѣ наши представленія, было намъ имманентно и раскрывалось намъ непосредственно, то сознаніе его было бы общимъ достояніемъ всѣхъ; а между тѣмъ, фактически, въ міровую душу никто не вѣритъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ философовъ, которые признаютъ это весьма спорное начало не въ силу того, что оно дается намъ непосредственно, какъ нѣчто доопытное и непредумышленное, а какъ логическую гипотезу, способную объяснить связь субъективныхъ явленій съ объективными. При чемъ же тутъ вѣра?

Но кн. Трубецкой идетъ еще далѣе. Онъ мистическую интуицію распространяетъ и на реальные предметы, находящіеся внѣ насъ. Онъ вѣритъ, что всѣ они суть такіе же субъекты, какъ и мы сами, и должны быть понимаемы по аналогіи съ нами. Возмущаясь, неизвѣстно почему, тѣмъ, что я сказалъ, что онъ видитъ субъекты въ столахъ и подушкахъ, онъ говоритъ: «всякая тѣлесная форма, поскольку она обладаетъ самостоятельной индивидуальностью, всякій объектъ, поскольку онъ имѣетъ дѣйствительную реальность, независимую отъ чувственности, долженъ разсматриваться нами какъ субъектъ-объектъ. Столы и подушки, очевидно, могутъ имѣть лишь воображаемую индивидуальность. Но если, наприм., мы приписываемъ метафизическую реальность индивидуальнымъ элементамъ матеріи, изъ которыхъ они состоятъ, мы неизбежно должны видѣть въ нихъ не простые объекты, а субъектъ-объекты, т.-е. своего рода относительныя монады или дѣйствительныя индивидуальныя центры, объединенныя въ своемъ взаимодействіи центральнымъ субъектомъ высшаго порядка. Иначе я совершенно не понимаю, что слѣдуетъ разумѣть подъ понятіемъ индивидуальности» (стр. 323). Почему самостоятельными единицами могутъ быть только мыслящіе и чувствующіе субъекты, а не матеріальныя тѣла, остается

неяснымъ. Непонятно также, на какомъ основаніи столы и подушки могутъ считаться воображаемыми предметами. Во всякомъ случаѣ, они представляютъ соединеніе такихъ же субъектовъ, какъ и самъ человѣкъ. Надо полагать, что и связь этихъ монадъ опредѣляется ихъ субъективными свойствами. Въ столахъ и подушкахъ эти маленькіе субъекты крѣпко держатся другъ за друга; въ жидкихъ тѣлахъ они другъ къ другу равнодушны, въ газообразныхъ они другъ отъ друга убѣгаютъ. Стало-быть, мы въ столахъ и подушкахъ имѣемъ настоящія общины, связанные внутреннею связью и имѣющія надъ собою верховную власть въ лицѣ распорядкающагося ими міроваго субъекта или какого-либо меньшаго князька. Почему же кн. Трубецкой возмущается, когда я говорю, что онъ видитъ субъекты въ столахъ и подушкахъ? Развѣ онъ не признаетъ того же самаго?

Внесеніе элемента вѣры въ область знанія можетъ породить только фантазіи. Для того, чтобы связать явленія міра съ законами разума, не нужно никакого посредника. Разумъ потому и есть органъ познанія, что онъ самъ заключаетъ въ себѣ связующія начала. Кн. Трубецкой говоритъ, что подведеніе данныхъ опыта подъ логическія категоріи представляется мнѣ какою-то «механическою каталогизаціей» (стр. 314). Это обнаруживаетъ весьма слабое знакомство съ методами наукъ, достигающихъ достовѣрнаго знанія. Изученіе ихъ приемовъ и способовъ дѣйствія, особенно приложенія математики къ явленіямъ физическаго міра, показываетъ, какими путями раскрываются истинные законы вещей. Ни математическія, ни опытные науки ничего не знаютъ о необходимости прибѣгать къ мистической интуиціи. Ея не вѣдаютъ и теоретики человѣческаго познанія. Кантъ, выставляя свою таблицу категорій, какъ связующихъ началъ для сведенія многообразія явленій къ единству разума, никогда не думалъ, что для этой операціи нуженъ особый посредникъ—вѣра. Къ этому началу не прибѣгали и слѣдовавшіе за нимъ философы идеалисты. Поэтому и внесеніе его въ область знанія не есть результатъ развитія идеалистической философіи. Чтобы стать на эту точку зрѣнія, нужно возвратиться далеко назадъ, къ міросозерцанію Якоби; но тогда, вмѣсто идеализма, мы получимъ мистицизмъ, то есть вовсе не научную точку зрѣнія.

Если философія должна сдѣлаться настоящею наукой, то необходимо, прежде всего, твердо установить ея основанія и ме-

тодѣ. Безъ этого, какъ я сказалъ, самыя заманчивыя системы остаются зданіями, висящими на воздухѣ. Когда же между людьми, занимающимися философіей, оказываются коренныя разногласія по самымъ элементарнымъ вопросамъ, стоящимъ, можно сказать, на порогѣ филофії, о реальности внѣшняго міра, о самостоятельномъ значеніи разума, какъ органа познанія, и связанной съ этимъ возможности дѣлать умозрительные выводы, объ отношеніи опытныхъ явленій къ логическимъ началамъ, то это свидѣтельствуетъ лишь о весьма невысокомъ современномъ состояніи этой науки. Тѣ, которые избавляютъ себя отъ труда ея изученія, могутъ ссылаться на эти разногласія въ свое оправданіе, и, съ своей точки зрѣнія, они совершенно правы. Но тѣ, которые серіозно изучаютъ философію и видятъ въ ней единственное средство внести свѣтъ въ хаосъ человѣческихъ понятій и сужденій, должны, прежде всего, стремиться къ тому, чтобы утвердить ее на прочныхъ основаніяхъ, а это можно сдѣлать только всестороннимъ освѣщеніемъ коренныхъ ея задачъ и вопросовъ, съ цѣлью выясненія истины. Это и побудило меня взяться за перо.

По обыкновенію, нашъ споръ не привелъ ни къ чему. Кн. Трубецкой заявляетъ, что въ самыхъ существенныхъ пунктахъ мои возраженія не могли поколебать его убѣжденій, прибавляя, однако, что онъ не сталъ бы упорствовать въ заблужденіяхъ, еслибы они были для него очевидны, и предпочелъ бы сдѣлать нѣсколько шаговъ впередъ. Не льщу себя надеждою, что мои новыя разъясненія въ состояніи будутъ измѣнить его взгляды; когда человѣкъ долго думалъ о предметѣ и усвоилъ себѣ извѣстную точку зрѣнія, это дѣлается не такъ скоро. Но я крѣпко надѣюсь на то, что его собственныя дальнѣшія размышленія и особенно потребность вполне выяснить свои понятія и достигнуть большей точности выраженій заставятъ его сдѣлать эти шаги. Если мои замѣчанія могутъ содѣйствовать тому, чтобы обратить вниманіе молодого и даровитого ученаго на эту сторону дѣла, то моя цѣль будетъ достигнута. Для русской философской науки было бы большою потерей, еслибы онъ остановился на полудорогѣ.

Б. Чичеринъ.

III.

Нѣсколько словъ въ отвѣтъ Б. Н. Чичерину.

Въ своемъ возраженіи на мою статью «въ защиту идеализма» уважаемый Б. Н. Чичеринъ повторяетъ свое сѣтованіе по поводу разногласія, которое господствуетъ въ области самыхъ основныхъ и элементарныхъ вопросовъ философіи, компрометируя ее въ глазахъ ея противниковъ.

Такое разногласіе имѣетъ однако свое основаніе, если угодно даже свое относительное оправданіе въ невозможности для индивидуальнаго человѣческаго ума объять сразу всѣ стороны универсальной истины, несмотря на то глубокое стремленіе къ цѣльному философскому міросозерцанію, которое въ немъ живетъ. Разногласія, возникающія изъ такого источника и обуславливающія собою развитіе философіи въ ея исторіи, несомнѣнно имѣютъ болѣе цѣны, чѣмъ единогласіе въ какомъ-либо заблужденіи. Такъ, до начала философіи въ умахъ царило полнѣйшее единомысліе по вопросу о реальности внѣшняго міра,—его считали безусловно реальнымъ, и свидѣтельство чувствъ, болѣе или менѣе провѣренное опытомъ, признавалось непогрѣшимымъ: господствовалъ грубый, наивный реализмъ, который признавалъ духъ и самое божество или боговъ—за тѣлесныя существа во времени и пространствѣ. Но философія постепенно разрушила такое міросозерцаніе; и еслибы даже мы могли вернуться къ наивному реализму раннихъ дней, лежащему у порога философіи, еслибы могли вновь признать боговъ во времени и пространствѣ, мы не возстановили бы прежняго согласія, возбуждая, напротивъ того, справедливыя возраженія и недоумѣнія. Различныя, частью противоположныя ученія долго еще будутъ бороться между собою, взаимно обличая, восполняя, уравнивая другъ